

В горах не кричат

28.09.2012 Откровенный разговор

Чрезвычайный и полномочный посол России в Абхазии Семён Вячеславович Григорьев знает об этой республике то, чего никогда не узнаем мы.

Президент России Владимир Путин как-то сказал: «Тот, кто не сожалеет о распаде СССР, тот не имеет сердца».

Приезжая в Абхазию, чувствуешь всю остроту и горечь произошедшего особенно – может быть, потому, что рос здесь – каждое лето, до окончания школы, у друзей моих тогда ещё молодых родителей... Может, потому, что слишком ласково море и слишком дружелюбны люди, но ты понимаешь – между нами граница.

Она отнюдь не виртуальна.

Отдельный разговор о тех, кто проходит её пешком или пересекает на автомобиле. Я в этот раз приехал в Сухум на адлерской электричке.

Найти её на вокзале, где идёт гигантская олимпийская стройка, а оставшиеся небольшие участки перронов заняты торговцами, было почти нереально. Сколько нас было в то утро, жаждущих попасть в Абхазию? Двести двадцать семь человек. Шестерых отсеяли пограничники.

– Так, пассажиры, все выходим! – торопили кассирши и женщина-охранник, сопровождавшие электричку. – Вещи, вещи не забываем!

Почему нужно покидать уютный вагон и проходить через металлоискатели на пути в Абхазию, а также подвергаться придирчивому контролю, осталось непонятным. Например, на пути обратно поезд Сухум – Москва вообще не досматривали. По крайней мере, наш вагон.

Отсеяли бабушку с внуками – не было письменного согласия на выезд от родителей и ещё пару подозрительных типов. А я бы, наоборот, их поскорее выпустил.

– В чём специфика работы дипломата в Абхазии? – переспрашивает меня Семён Григорьев, посол России. – Наверное, и в том, что на сегодняшний день именно работа в странах ближнего зарубежья, на постсоветском пространстве является приоритетом МИД. Потому что успехи здесь, и

особенно – провалы, чрезвычайно чувствительны для России. Да, есть важнейшие направления – США, Ближний Восток и так далее. Но реальная политика, я бы сказал – горячая политика, в полной мере присутствует и здесь. Более того, в Абхазии, например, чисто дипломатическая работа ведь составляет процентов двадцать пять от того, чем мы заняты. Остальное – грань между проблемами внутренними и внешними...

– Например?

– Пожалуйста. Если во времена СССР работа с советскими и бывшими советскими гражданами сводилась, в основном, к решению проблем наших гражданок, вышедших замуж за студентов-иностранцев, то теперь мы ещё и защищаем наших граждан в судах, и оказываем помощь старикам, в том числе и тем, кто не имеет российского гражданства. Но это наши люди, часто одинокие, о которых некому больше позаботиться, и Родина их в беде не оставляет.

Понимаете, абхазского старика или старушку никогда не отдадут в дом престарелых – в конце концов, отвезут в деревню, там всегда найдутся те, кто позаботится. А что делать русскому старику, не имеющему родственников и на склоне лет оказавшемуся за границей? Мы и деньгами помогаем, и способствуем отправке на лечение в Россию, и здесь стараемся и в больницу устроить, и улучшить бытовые условия... В общем, в МГИМО этому не учили.

– Приходилось слышать о проблеме отбирания жилья у русских в Абхазии...

– Проблема есть, но она лишена этнической окраски, здесь нет национальной розни. Просто молодёжь – русская молодёжь – уезжает отсюда. Если во времена СССР в Абхазии было более ста тысяч русских людей, то сегодня – тысяч двадцать. Многие – преклонного возраста и одиноки. Ну, живёт в большой квартире бабушка русская одна, а по соседству – многодетная абхазская семья. Уедет бабушка в Россию погостить, вернётся – и может действительно обнаружить новую металлическую дверь и новых хозяев. И справку ей подделанную покажут, что она отсутствовала в Абхазии более пятнадцати лет, а новые хозяева – добросовестные приобретатели. Межнациональных проблем здесь нет, просто бабушку некому защитить.

– Как поступает посольство в подобных случаях?

– Идём в суд. И тогда, когда его решение, мягко говоря, бывает коррупционным, не останавливаемся. Создана двусторонняя комиссия, которую с абхазской стороны возглавляет вице-президент, с российской – я. Подобных случаев – около двухсот. Если прочтёте в Интернете, что их тысячи, – не верьте.

– А сколько граждан России в Абхазии?

– Чуть больше половины всех жителей. Бывают случаи удивительные – приходит, например, ко мне человек с российским паспортом и просит о помощи. Ну, и сидит рядом с ним российский консул, помогает. А истец или ответчик тоже оказывается нашим гражданином и приходит ко мне с обидой... Ну что ж, значит, два консула будут в суде сидеть, обоим помогать...

Те, кто думает, что знают Абхазию по курортам, не знают этой страны вообще. Только теперь, уже полуседым, понимаю я: Абхазия, как стрелой, пронзённая железной дорогой, чётко делится на две неравные части – прибрежную зону с курортной психологией и горную, таинственную, мистическую, непонятую и неизученную. Путешественник, едущий сюда, всё время видит справа в окнах поезда море, и ему хочется быстрее в воду, манящую и чистую. Уезжающий тоже смотрит на море и клянётся, что приедет опять. Вокруг железной дороги – нетронутые войной дома в Гаграх и Пицунде и зияющие провалами окон-глазниц, артиллерийским огнём убитые многоэтажки Сухума.

Один поезд и одна электричка из России в сутки. Сколько людей приехало в этом году? Почти как во времена СССР, и не только потому, что дешевле отдыхать здесь, чем в Краснодарском крае, – многих испугала трагедия Крымска, и билетов на поезда в Абхазию было не достать.

О, русский человек! Он боится стихии. Но не боится минных полей и рецидива войны.

– Семён Вячеславович, вы начинали в Афганистане, работали в Иране, вам есть с чем сравнивать. Где тяжелее?

– Вы знаете, в окружении явно недружественном, как ни странно, легче. Там есть чётко очерченный круг обязанностей дипломата, а здесь, в окружении миролюбивом и во многом курортном, круг этот бесконечен. Но даже не в этом особенность. Здесь нельзя расслабляться. Кругом друзья, море, пальмы, расслабился – получил удар, откуда не ждёшь.

– То есть?

– Есть небольшая группа тех, кто противится быстрому и глубокому сближению России и Абхазии. Есть те, кто хочет Абхазии иных иностранных партнёров. А есть попросту обиженные – им не досталось каких-то постов в организациях соотечественников, например. Вот и не расслабляешься. В Кабуле знаешь, откуда чего ждать. Здесь – не всегда.

– Но человек не может находиться в постоянном напряжении.

И на минуту я вижу, как выдержанный и тщательно выбирающий выражения дипломат чуть-чуть даёт волю чувствам.

– Горы, – говорит он. – Я не оригинален, горы... Если есть возможность выбраться туда на пару дней – я счастлив.

– Что же особенного в горах?

– Люди. Они другие. Например, знаете, почему в горах не принято не то что кричать, а даже громко разговаривать?

– Потому что лавины?

– Потому что Всевышний ближе, чем на равнине, – так говорят абхазские старики...

Билет на поезд я купил только с активной помощью коллег с Абхазской железной дороги. Билетов не было и не будет до конца сезона. За два часа до отхода поезда я расслабился – море, солнце, доброта... Тут-то у меня деньги и украли... Все.

Что за люди возвращались со мной из Абхазии? Наши люди. Наши. Небогатые курортники. И возилась с девяностолетней старушкой и её больным сыном начальник поезда Нина Михайловна – попутчики брезговали ехать с ними в купе, и устраивала она мать с сыном в другое – к людям подорожее. А старушка за стеной всё мечтала о попутчике-генерале, и посадила к ней на соседнюю полку проводница Света вторую такую же боевую бабушку в Гаграх. И плакали дети, и стоял поезд подолгу на полустанках – путь до Москвы занимает сорок четыре часа. До распада страны было, кажется, тридцать шесть...

Ах, да!

Граница. Таможня. Решётки.

Поезд идёт мимо них сквозь узкую брешь.

Но я – не дипломат. И не обязан, признавая границы де-факто, чувствовать их легитимность де-юре...

Игорь Воеводин,

спец. корр. «Гудка»

Сухум – Москва

